

Андрей Крюков

Родился и проживает в Москве. Специалист по управлению крупными ИТ-проектами. Стихи и проза публиковались в литературных журналах «Новая Юность», «Москва», «Нижний Новгород», «Дальний Восток», «Южное сияние» и др.

Иллюзион (*Такая любовь*)

На конечной станции ещё не разошлись пассажиры – кто-то тянул тяжёлую ношу по ступенькам, кто-то ждал подмоги, с надеждой вглядываясь в блестящую даль у края платформы... И, хотя ещё не зазвенели предупреждающе провода, прижатые токоприёмниками электровоза, люди впереди на тропинке ускорили шаг, и ему тоже пришлось ускориться. В этот день он уезжал с дачи позже обычного времени. Лето окончательно вытеснило остатки слякоти, в электричке стало меньше свободных мест, больше шума, а также песен, весёлых и разных, и ему так и не удалось дочитать те несколько страниц, которые он оставил на возвращение в город.

Пробираясь по улицам в толпе, спускаясь под землю и выныривая на поверхность, он чувствовал себя рыбой внутри косяка, который сталкивается с другими косяками, и нужно не терять «своих», чтобы целым и невредимым добраться до конца маршрута. В районе, где он проживал, с годами почти ничего не менялось, и даже новые лица казались давно знакомыми. Он прошёл мимо киосков, обогнул бетонный забор и углубился в арку дома, окружённого такими же домами-близнецами.

На службе начинался сезон отпусков, а с ним и некоторый спад производственной активности, и по вечерам уже можно было не засиживаться, создавая видимость излишней преданности своему делу. Популярный развлекательный портал приглашал в кино, на выставки и в рестораны, но его опять потянуло на природу. Он переключился на рекомендуемые загородные мероприятия и наткнулся на рекламу ежегодного фестиваля джаза под открытым небом. Если бы кто-то подумал, что он является поклонником джаза, он бы как минимум расхохотался. Но нужно было как-то убить свободное время, плюс

привлекали «открытое небо» и возможность поваляться на травке. Ему стало интересно, что за публика туда ходит и как ценители отзываются об этом фестивале. Вообще как всегда так и выражают свои мысли и эмоции, каким языком.

По рецензиям и фото выходило, что таких любителей просто несметные толпы и выделить кого-то одного (одну) для совместного похода ему не по силам. Поэтому он выбрал отклик с самым коротким и ничего не говорящим ником, что-то вроде «Тура» (Тайра), и отправил несколько слов на прикрепленный почтовый адрес. Он немного боялся, что на том конце окажется какая-нибудь великовозрастная преподавательница или, наоборот, школьница-малолетка.

Она ответила на следующий день. На джазе она побывала год назад почти случайно, уговорила подруга. В этот раз она не планировала туда идти, да и только отошли дожди, почва могла быть сыроватой. Зато совсем не против сходить, например, в театр. К письму была приложена фотография – не красавица, но миленькая, обнажённые руки, короткие волосы, рост чуть выше среднего.

Из любопытства он пробежался глазами по театральной афише. На романтическую премьеру в популярный театр билеты можно было взять только у агентов, или пришлось бы ждать до следующего месяца. Он решился рискнуть, хотя впервые встречался в такой обстановке с доселе незнакомым человеком. Даже ради прикола отключил перед встречей телефон, чтобы проверить, сможет ли он найти её по одному-единственному фото.

В толпе у входа в театр он узнал её сразу, хотя волосы у неё немного отросли. Театр не произвёл на него большого впечатления – на сцене было много экзальтации и шума, кресла жестковатые, как в каком-нибудь проходном клубе. Зато в фойе было светло и парадно. Он увидел

себя и её в огромном зеркале, и ему понравилось, как они смотрятся вместе. Перед началом он догадался купить пёстрый букетик на углу, и эти цветы она с удовольствием преподнесла актёрам.

Они прошли по освещённым огнями улицам, всматриваясь и вслушиваясь друг в друга, и был уже довольно поздний час, когда он взял такси и проводил её до дому. На обратном пути таксист пытался пошутить: «Что ж ты, парень, такую девушку отпускаешь? Уж я бы не отпустил!» Оказалось, что у него дома его ждал сын и, не дождавшись, уехал. «Слишком много для одного дня», – решил он.

На следующий день она поблагодарила его в очередном письме. Как ему показалось, довольно сухо. Он попробовал выяснить причину. Она долго в ответ пыталась скрыть своё настроение, но наконец из нескольких фраз он понял, что не понравился ей. Она критиковала его костюм, манеру вести себя. Всё в нём казалось ей каким-то старомодным.

Ему же она, напротив, понравилась, и было горько от того, что он не оценён ею по достоинству. Он был явно опытнее и более эрудирован, даже в вопросах джаза, который её, как оказалось, совсем не волновал. После спектакля он читал ей стихи и даже подарил диск с инструментальной музыкой, которая в последнее время отвечала его настроению и мыслям. Этим настроением ему так хотелось поделиться с ней.

С трудом сдерживая горечь, в своих сообщениях он попытался отшутиться, высмеять ситуацию и, чтобы лучше узнать друг друга, попросил о новом свидании. Она отказалась, сославшись на занятость в ближайшие дни.

Он попытался взять паузу, но не выдержал и неожиданно для себя нагрубил ей. Она не осталась в долгу и после обмена любезностями, в котором ей удалось одержать уверенную победу благодаря лучшему знанию аргументов,

окончательно отказалась общаться с ним. Несколько дней он не находил себе места, пока не отправил ей роскошный букет цветов. Она никак не отреагировала. Он пробовал ей звонить, но ничего не добился, кроме потока угроз с её стороны, после чего она перестала отвечать на любые его звонки. Его мучила недосказанность. Что-то он недопонял в этой девушке, и эта загадка толкала его к тому, чтобы предпринять какие-то иные, более осторожные действия.

Он ничего не знал о ней, кроме того, что она сама ему уже успела сообщить. Тогда, используя это небольшое плюс фото, он посвятил некоторое время розыскам в интернете. И наткнулся на её анкету, размещённую на сайте знакомств. Судя по тону анкеты и статистике, она активно пользовалась этим каналом общения.

Он живо завёл себе анкету там же, но под вымышленным именем и с фотографией другого человека, не особо известного, но с так называемой «медийной» внешностью. И тут же послал ей сообщение. В тот же день она охотно откликнулась.

Он как будто снял один из слоёв, отделяющих его от понимания её сути. Постепенно выяснилось, что она давно ищет свою любовь, что уже почти отчаялась и так много неадекватных мужчин вокруг. Вот недавно один такой, с которым она по неосторожности сходила в театр, оказался психом и долго потом преследовал её. А она в этом городе практически одна, привыкла всего добиваться сама. На работе (а служила она в агентстве недвижимости) её не замечали и не продвигали, хотя она всегда была готова на большее. Да и место это только с большой натяжкой можно было назвать работой мечты.

На «психа» он не обиделся. Его уже захватил азарт, азарт исследователя. В этот раз он вёл разговор деликатно и без намёка на какой-либо напор. Она рассказывала ему о том, как проводила очередной день, и это общение

вошло у них в такую привычку, что любой из них, войдя в сеть и не найдя там другого, начинал беспокоиться.

Он сочинил «легенду» про этого «персонажа», в которой тонко угадывались все её ожидания от мужчин. Он наслаждался игрой, ощущая себя новым «Франкенштейном».

Под карнизом окна его квартиры свили гнездо ласточки и по-мышинному возились и шуршали всё лето, будто приглашая его полетать вместе с ними. Но его не было в комнате. Вместо него кто-то другой носил его одежду, занимал его рабочее место, а по вечерам выстукивал на клавишах фразы на неизвестном ему языке.

Она, конечно, захотела услышать его голос, и он прислал ей аудиофайл с одной незамысловатой песенкой, которую он посвятил ей и в которой без труда скрыл истинный тембр своего голоса. Эти звуки стали отныне их позывными.

Так продолжалось два месяца, и лето постепенно подошло к концу. Они ни разу не встретились, и это стало её беспокоить. Она без памяти влюбилась в него... ну, или в созданный им образ. И открыла перед ним все глубины своей души, все секреты, которыми делятся только с самыми близкими и владеть которыми, говоря откровенно, он был не вправе.

Если бы он покинул её в тот момент, то, наверное, был бы отомщён. Но наслаждаться таким бессовестным триумфом ему было как-то совестно.

Пора было что-то предпринять. Встреча на улице могла бы завершиться непредсказуемо, и, скорее всего, она бы просто сбежала от него. И вернуть её тогда уже было бы невозможно. Он решил пригласить или, точнее сказать, заманить её к себе домой. Это был единственный вариант, на который он мог пойти, иначе им пришлось бы так и остаться друг для друга виртуальными. После некоторых размышлений она согласилась. Он не стал называть

ей полный домашний адрес, с самого начала обставив всё максимально таинственно. Для начала он сообщил ей только название улицы, на которой он жил. Она подъехала и позвонила ему (разумеется, он специально сменил номер телефона). Тогда он назвал ей номер дома. Она вошла в подъезд, поднялась на указанный им этаж и остановилась перед дверью указанной им квартиры. Он уже видел её через глазок. «Вот и всё», – подумал он и попросил её завязать глаза. Она нехотя, но согласилась. Он открыл дверь и, взяв её за руку, перевёл через порог. Когда дверь закрылась за ней, она сорвала платок, и их глаза встретились.

Они видели друг друга только второй раз в жизни. С того первого раза прошло несколько месяцев, но ему казалось, что это было только вчера. «Я знала! Я догадывалась!» – со слезами и смехом воскликнула она. Но не убежала, а сделала несколько шагов вперёд и присела на стул. Они помолчали. Наконец он подобрал слова для того, чтобы извиниться, но она перебила его. К его облегчению, выяснилось, что она на него не сердится.

Он испытывал смешанные чувства: ему хотелось обнять её и пожалеть, и в то же время он готов был отпустить её навсегда. Она сама попросила проводить её до метро. Они стали встречаться. Часто, почти каждый день. Встречались в кафе, выбирали столик у окна и наблюдали за тем, как струи дождевой воды стекают по стеклу, как будто рисуя дорожки в поле. Встречались в парке, гуляли по старинным улочкам. У них уже были свои любимые садовые скамейки. Рассказывали друг другу о своём детстве, о первых сильных впечатлениях. В его глазах она неожиданно расцвела и похорошела. Настолько, что, когда они выходили на оживлённые улицы, он специально шёл немного сзади, чтобы все могли восторгаться его спутницей без помех.

Чтобы усилить его восхищение, она решила рассказать ему, как однажды, ещё в студенческие времена, за ней бежал по улице один известный актёр и долго висел на подножке трамвая, пытаясь прижаться к ней. Как и многим другим женщинам, ей не приходило в голову, что к актёрам по-настоящему не ревнуют.

Они не стремились к тому, чтобы слишком форсировать ход событий, но всё равно наступил момент, когда они стали по-настоящему близки друг другу. Внезапно как будто что-то перещёлкнуло. Будто количественные изменения, произошедшие в их отношениях, неожиданно перешли в качественные. И в итоге однажды вечером она вдруг решила сменить гнев на милость, подарив ему волшебную ночь.

Как-то, попросив у него мобильный, она долго копалась в аппарате, и в результате этих манипуляций пропала вся их переписка. В ответ на его удивлённый вопрос она рассмеялась: «Ну и что? Ты мне ещё много нового напишешь».

Всё чаще она ночевала у него. На Рождество они даже вместе съездили в Берлин и уже готовились к совместной встрече Нового года. На обратном пути домой, в самолёте, они набросали на клочке бумаги «брачный контракт» и, подписав его, торжественно съели, запив бокалами сухого вина. И совершенно неожиданно в самый канун праздника они застряли в лифте, поднимаясь с покупками к нему домой. К счастью, удалось быстро дозвониться до аварийки, и не прошло и часа, как их освободили. Она заметно нервничала при этом, хотя он отшучивался: мол, это знак, намекающий на то, что им суждено быть вместе.

Однако закончились каникулы, и она пропала. Просто уехала к себе домой и не отвечала на его звонки. Ему удалось её разыскать и объяснить. Путаясь в словах, она старалась довести до его сознания, что они не подходят

друг другу, что он совсем не интересуется её карьерой, что он не общается даже со своей матерью и своим сыном от предыдущего брака, а ей так хотелось, чтобы мальчик жил вместе с ними. Кроме того, ей трудно жить в квартире, где до неё строилось чьё-то счастье. И вообще, она устала от его эгоизма и ей просто нужно побыть какое-то время одной.

Он не сразу понял, что случилось. Прошла неделя, за ней другая. Ничего не происходило. Смешанные чувства теснились в его душе. Оставшись в одиночестве, он сначала попытался забыть её. Собрал в мешок все мелочи, забытые ею, переставил мебель, даже переселился в другую комнату, но все усилия были напрасными. Тогда он составил список её недостатков. Довольно внушительный получился список, только утвердивший его в понимании, что он по-настоящему любит её. Чтобы хоть что-то сделать для неё, он порекомендовал её своим знакомым, и она смогла получить перспективное место.

А ведь всё объяснялось так просто. Она интуитивно сопротивлялась любому оказываемому на неё давлению и убегала от тех, кто бежал за ней. Но это, с другой стороны, не останавливало его, ведь согласно одному классическому закону, сила действия равна силе противодействия, а другой закон утверждает, что на определённом расстоянии сила отталкивания равна силе притяжения. И если воздействие с его стороны ослабевало, то, соответственно, уменьшалось и оказываемое ею сопротивление. Во всяком случае, надолго запоминается только хорошее, и это хорошее, будучи сделанным, давало надежду на благоприятный исход.

Кроме того, они были хотя и с близких, но разных планет. Многие из того, что он чувствовал, было ей непонятно и даже чуждо. Это относилось и к его взаимоотношениям с другими людьми, включая сына. Не понимая его

тревог и сомнений, она принимала их за слабость, а это такой недостаток в глазах женщин, за который они способны распекать мужчин и даже мстить.

И пусть он не беспокоил её больше – успокоиться сам он не мог. Он боялся теперь вечеров, когда под шуршащий под ногами прохожих снег ему отчётливо слышались слова песни: «А снег идёт, а снег идёт, / По щекам снег бьёт, бьёт». Он ложился спать пораньше, но сон не сразу посещал его. Тогда он вставал и бродил в темноте из комнаты в комнату, натываясь на острые углы, пока усталость не брала своё. Её резкий уход обеспокоил его и по другим причинам. Он даже отправился в церковь и поставил свечку за её душевное здоровье.

Он решил обратиться к врачу, которого ему порекомендовали и который любил давать различные советы, считая себя суперспециалистом по психологии. Выслушав рассказ о его любовном недуге, он сказал: «С сердцем у вас всё в порядке. А вот сосуды берегите, могут быть проблемы». Прямо перед ним у этого «целителя» был посетитель, у которого было сразу три любовницы, и ни от одной из них он не был готов отказаться. «Вот настоящая драма, не то, что у вас», – с усмешкой заключил «целитель». Никто из его окружения не мог поверить в то, что она ему так необходима.

Ведь он не мог объяснить то, что не поддаётся словам. Да и как вылечить болезнь, от которой ещё не придумано лекарств? При которой ничего не болит, но о выздоровлении можно только мечтать. Даже его обычно трезвый ум был не в состоянии с этим справиться.

Что же заставило его, ещё недавно пышущего здоровьем, так заболеть? В это же самое время в его жизни произошло ещё одно событие, которое для других осталось незамеченным, но стало дополнительным подтверждением того, что жизнь богаче любых фантазий о ней. Так

вот, в этой параллельной жизни его звали Артуром, а ту, что, как в сказке, возникла из сгустившихся сумерек, – Ритой. Артур впервые повстречал Риту год назад, и после этого у них было ещё одно свидание, в ресторане, во время которого Рита непрерывно щебетала о своей жизни, правда Артур из-за шума мало что услышал. Впрочем, ему удалось понять, что у Риты свой бизнес, оставшийся от одного из бывших мужей (коих общим счётом было три), что Риту партнёры по бизнесу встречают в аэропорту на гелендвагенах, что Рита обожает Цветаеву и Дюрренматта и т. д. Вдобавок ещё и оказалось, что, пока они разговаривали за столиком, а потом гуляли по ночной Москве, за ними следил один из бывших мужей Риты, который должен был удостовериться в том, что Рита не попала в лапы маньяка. Но Рита не попала, всё завершилось для неё благополучно, если не считать того, что Рита, не привыкшая долго ходить пешком, простудилась и схватила воспаление лёгких. Целый год Рита с Артуром пере-званивались, но пути их не пересекались. Артур вёл себя как галантный кавалер, Рита – как Дама, благосклонно принимавшая комплименты от многих, но сердце своё готовая отдать только самому достойному. Представления об этом «самом достойном» у Риты были явно навеяны сюжетами книг об Анжелике и капитане Бладе. Так, ей грезился некий просоленный морскими ветрами Капитан, мужественно удерживавший яхту от ударов штормовых волн, охраняя свой драгоценнейший приз – Даму, которая в каюте молила небо об их спасении. И, конечно же, они спасались, и Капитан с Дамой на руках сначала спускался в шлюпку, а потом, всё ещё не размыкая рук, ступал вместе с ней на твёрдый берег. Но прошёл год, Артур заскучал по одной причине, которую мы описали выше, Рита – по другой, ей нужен был шторм, который давно уже не возникал на её горизонте. Рита с подружкой

что-то отмечала в ресторане, и, немного перебрав в плане горячительных напитков, ну совсем немного, Рита решила тут же позвонить Артуру. Почувствовав, что Рита попала в нештучную качку, что её вот-вот поглотит океан и нужно срочно принимать решение, Артур галантно предложил ей свою каюту. Точнее, свою квартиру, куда Рита вскорости прибыла в такси, сопровождаемая подругой. Подруга довела её почти до самых дверей и исчезла в ночи. Дальше Риту, нетвёрдо стоящую на ногах и готовую к тому, чтобы в любой момент потерять равновесие и что там ещё теряют женщины, уже подхватил галантный Артур. Кофе и ванна вернули Рите самообладание на какое-то время, но всё закончилось так, как и предполагалось. Рита уснула на груди Артура, как-то вся там поместившись, и провела в таком положении всю ночь. Наутро выяснилось, что она порвала оба свои чулка. Случилось ли это в ресторане, в дороге или уже в «каюте» – что скорее всего, никто не вспомнил. Они долго веселились над тем, как Рита появится в таком виде на улице, но Артур и тут прикрыл её своим неожиданно огромным телом Капитана, когда провожал к машине, увозящей Риту в туманное рабочее утро. Вот в этот-то момент Артур, то есть он, ещё до того, как такси растворилось в тумане, и понял окончательно, что любит по-настоящему только её.

Что ему оставалось делать? Он поверил в то, что жизнь сама подскажет ему выход из тупика. В его прошлом уже имели место мистические совпадения. Со своей бывшей женой он тоже то сходил, то расходился. И вот однажды, в тот момент, когда ему особенно захотелось её (то есть в то время ещё «будущую бывшую») увидеть, он буквально через пять минут столкнулся с предметом своей страсти на улице, причём в таком районе, где они раньше никогда не встречались. Не всё, видимо, поддаётся

объяснению, есть ещё и какие-то вмешательства, имеющие высшее происхождение.

До весны они не виделись и не общались. Иногда он интересовался состоянием её дел у своих знакомых, но они не могли сообщить ему ничего нового. И вот как-то раз он получил через мессенджер сообщение от одной девушки, которая представилась её подругой, бывшей соседкой, проживавшей за городом и работавшей в простой сельской школе. Он припомнил, что об этой подруге слышал от неё и даже вроде бы не один раз, но недоумевал, что могло заставить эту подругу написать ему. Оказалось, что подруга с ней в последнее время общалась редко и не могла понять, почему они разошлись – он и она. Ведь у них поначалу всё так хорошо складывалось. Кроме того, она настояла на том, чтобы подруга отказала заодно и своему «неперспективному» жениху практически накануне их свадьбы. Подруга сообщила ему то единственное, что ей было известно о ней после их разрыва. Выяснилось, что она вернулась к своему «бывшему», который вновь возник в её жизни, как раз перед новогодними праздниками. У подруги создалось впечатление, что разрыв с ним произошёл независимо и задолго до этого (впрочем, он не стал опровергать и такую трактовку). Чем занимался этот самый «бывший», было непонятно, не исключено, что чем-то криминальным, и он мог пропасть на полгода-год, а потом появлялся будто из ниоткуда, и она снова бежала к нему. Подруга выразила своё сожаление и пожелала ему обрести покой и счастье в новых отношениях. Он поблагодарил и задумался. Выходит, что, ещё живя у него, она в последнее время позволяла себе поддерживать отношения с кем-то третьим и, встречаясь с двумя, изворачиваться и лгать каждому из них?

Ревность и мазохизм отравили ему немало минут и часов, и только накопившаяся работа позволила ему уйти

с головой в другие проблемы. Но ненадолго. Боль накрывала его снова и снова.

Через пару месяцев он не выдержал и написал её подруге о своём состоянии. Подруга пообещала выяснить, есть ли какие-то новости «с другой стороны». На следующий день до него дошли сведения, что «бывший» опять куда-то пропал и, по-видимому, навсегда, так как они (она и «бывший») перед этим крепко поругались. И она сейчас в совершенно расстроенных чувствах и уже, кажется, жалеет о своём расставании с Ним. Он выдержал ещё какое-то время и отправил ей эсэмэску, как бы между прочим интересуясь её делами. Она тут же ответила: «Да вот сижу, думаю о тебе». Он встретился с ней, увидел её горящие глаза и всё простил. Неприятная для него тема, разлучившая их, никогда не поднималась им в разговорах с нею.

Всё, что происходило с ними до этого момента, было похоже на сюжет голливудской картины. Герои крепко ругаются, чтобы, пройдя через множество испытаний, соединиться вновь. Финальные титры.

Чтобы избавиться от воспоминаний и начать с чистого листа, он снял для них квартиру в другом районе.

Отношения между ними изменились. Каждый теперь старался проявлять к другому внимательность и предупредительность. Всё свободное время они проводили вместе, выезжая только к родственникам и близким знакомым. Ходили по магазинам и делали друг другу подарки.

В начале лета он по работе поехал в Барселону, и она постоянно сообщала ему о том, как скучает, плачет и ждёт его. Она никогда до этого не была такой ласковой и нежной с ним, как будто чувствовала какую-то угрозу для их отношений.

Он успокоился и был совершенно счастлив. Тем же летом они отправились на море, и там, наслаждаясь

чудесным сосновым воздухом, плескаясь в блестящих брызгах, они окончательно потеряли ощущение реальности. Так, по крайней мере, показалось ему. Там же, на юге, он узнал, что она не хочет заводить от него ребёнка. Не только «пока», но и в обозримом будущем. Она как-то особенно заботилась об этом. Впрочем, он не придавал этому большого значения.

Они вместе поднимались в горы, и там, на смотровой площадке, обнимая огромное небо, он думал о том, что если и умирать, то только здесь. Жалко, что всё равно их здесь не оставят, потащат с горы вниз, в преисподнюю. А потом, забравшись в машину, они катили обратно к морю, чтобы, снова увидев его, лететь как на крыльях вдоль берега, с открытыми окнами и кричать, не слыша собственных голосов. Морской ветер относил все звуки обратно в горы, на самые вершины, где эти звуки немолимо гасли в повисшей облачной дымке.

Осенью работы прибавилось, и он стал пропадать в командировках. Её на службе тоже завалили всякими ответственными заданиями, но она успевала и после работы приготовить что-то и создать для них уют. В доме звучала музыка, он приносил цветы, и они вместе подшучивали над тем, что это уже становится для них каким-то обрядом, имеющим тайный даже для них обоих смысл. У неё появились новые подруги, которых она с энтузиазмом пыталась пристроить и даже выдать замуж за его друзей.

На одной из вечеринок он познакомился с некоторыми её новыми подружками. Было громко и весело, их столик был заставлен коктейлями, все кричали, обнимались и фотографировались. Но когда она заметила их томные взгляды, скользящие по его лицу, она вспыхнула и под угрозой скандала вывела его из зала. Отныне они не посещали такие компании. Встречи с его женатыми друзьями не вызывали таких опасений, если бы только ему не

приходилось отчитываться перед ними – теми, кто ещё недавно сочувствовал его страданиям. «Это действительно то, что тебе нужно?» – «Да, всё замечательно!» – «Уверен?»

Она представлялась ему таким колесом, которое, однажды покотившись, не может уже остановиться. Он привык идти от одной вехи к другой, она же всегда куда-то двигалась, независимо от того, была ли у неё при этом какая-то определённая цель или нет.

Непосредственность сочеталась в ней с эксцентричностью. Как-то раз он разговаривал по телефону и не услышал, как она вошла. Она приревновала его, выхватила телефон и скрылась в ванной, чтобы утопить злополучный гаджет. Потом они вместе сушили телефон на батарее и смеялись над этим происшествием.

И нельзя сказать, чтобы такое её поведение не импонировало ему. Ведь он любил больше слушать и наблюдать. Наблюдая, оценивать, а потом давать дельные советы. Она собирала различные дисконтные карты и, пока он пропадал в командировках, бегала по всем распродажам. Она занялась не только своим, но и его гардеробом и почти полностью обновила его. Ему нравилось чувствовать себя элегантным, вот только окружающие видели в этом только её заслугу и критиковали её вкус, когда было что-то не так. Как будто он был здесь совершенно ни при чём. Он начал осознавать различия, которые существовали между ними с самого начала, но на которые он закрывал глаза. Ей досаждала его ироничность, без которой он не мог общаться даже на самые серьёзные темы, его постоянные уходы от прямых ответов. Ему стали надоедать её бесчисленные знакомые и ежевечерние зависания в телефоне.

Как-то он поинтересовался тем, как ей удаётся сохранять серьёзность на работе. Она молча открыла сумочку и достала из неё очки, в которых вроде бы не нуждалась,

и с уверенностью водрузила на носик. Она была похожа в них на какого-то зверька. Милого, домашнего, но зверька. Как он ни старался удержаться от того, чтобы её обидеть, но скрыть смех так и не смог.

Чтобы лучше понять её, он пробовал даже читать женские романы, которые тайком брал у неё. Не помогло. Он только тупел от них. В отличие от неё, которая, вдохновившись той же самой литературой, выдавала прямо-таки мужские решения. Любые же попытки с его стороны приобщить её к нестандартным и парадоксальным явлениям в театре и кино она объявляла сумасшедшим домом. И то, что все вокруг смеялись над абсурдностью положений, в которые попадали изображаемые герои на сцене или экране, только сильнее пугало её. Оставалось одно – просто покориться. Нужно было только решить, кто – кому.

В выходные ещё до завтрака они бегали в парке. Совершали длинные велопрогулки и однажды доехали до самого его дома. Он взглянул на окна, за которыми протекала его прежняя жизнь как с нею, так и без неё, и всё вспомнил. Какая же из жизней была настоящей – та или эта? От быстрой езды у него перехватило дух, и она списала его неожиданную бледность на излишнюю нагрузку. Он отвернулся и промолчал весь обратный путь. После этого случая он как-то постепенно приучился скрывать от неё свои мысли и настроения. Он стал зачитываться биографиями знаменитостей. Она возмущалась: «Зачем ты читаешь про мёртвых, когда вокруг тебя живая жизнь и живые люди?»

Потом она захотела просыпаться позже, а по вечерам заниматься йогой. Пока он ужинал, она зависала в перевёрнутой асане возле столика, на котором плавала золотая рыбка в маленьком стеклянном сосуде. Рыбка с интересом наблюдала за тем, как напрягаются мышцы и краснеет лицо её хозяйки.

Деньги за квартиру он носил старушке, которая встречала его, лёжа в гостиной, куда его провожала её племянница. Старушка живо интересовалась тем, «как у них там всё развивается», он отвечал уклончиво, не имея привычки вести подобные светские разговоры. «Небось, завели уже кого-нибудь. Прийти, что ли, навестить вас?» – полушутливо заключала старушка, возвращаясь к просмотру очередного сериала.

Однажды он приехал из командировки напрочь простуженным. Она уложила его в постель и два дня кружила над ним и вокруг него, пока ему не полегчало. Он молча ушёл на службу, забыв её поцеловать. Тогда она купила бутылку коньяка, ополовинила её и устроила перед ним битьё посуды. Он хотел тут же уйти, но позвонили в дверь соседи, и она затихла в углу дивана и скоро там же и уснула. Вечером он вернулся как обычно. Он старался вести себя так, будто ничего не произошло. Она встретила его у двери и положила голову ему на грудь. На полке стояли новые тарелки.

Он не знал, что будет дальше, но его не покидало чувство, что всё в последнее время держится на её и только её энтузиазме. А его будто парализовало, и причину этой апатии он был не в состоянии объяснить даже для себя. Во всяком случае, без посторонней помощи.

Последний свой совместный Новый год они встречали в Питере. Он не запомнил ничего из этого города и почти ничего из той поездки. Кафе, бутики, киношки – они и в Москве такие же. Жаль, что в Питере нет Диснейленда – он бы им точно запомнился, ведь они были бы там самыми активными посетителями.

Следующей весной он затеял ремонт в своей квартире и под предлогом того, что ему нужно присматривать за мастерами, а заодно и за своим сыном, вернулся в неё. Она отказалась жить в съёмном жилье одна, без него

и тоже переехала к себе. Они ещё какое-то время встречались, будто по привычке. Но в летний отпуск она уехала к родителям, и дальше они только переписывались. И он ей регулярно пересылал деньги. До осени, когда она решила брать в кредит машину, чтобы ездить к родне, и попросила его выступить её поручителем. Встретившись в банке, они опять шутили, как в добрые старые времена. Только она больше не спрашивала его о будущем. Он как-то обедал со своим другом, и тот, хорошо знакомый с ней, передал ему её слова: «Он меня бросил. Что-то у него, видимо, с головой приключилось».

Через год он узнал о том, что она вышла замуж, и вздохнул с облегчением. В тот день он навещал мать и заговорился с ней до сумерек. Он стоял у окна и наблюдал, как очертания деревьев и машин словно растворяются в тёплом тумане... они говорили о том, что неплохо бы этой весной разбить на даче огородик и подружиться с соседями.